

И. Л. Жеребцов. Изменение климата и демографическая история Европейского севера/ Жеребцов И.Л. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.64–72.

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ

ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Все развитие человечества в той или иной мере было связано с его сопротивлением пагубному воздействию неблагоприятных природно-климатических условий, со стремлением найти «место под солнцем», позволяющее избежать этого воздействия или хотя бы минимизировать таковое. Никакими человеческими усилиями невозможно было остановить или замедлить глобальные природные катаклизмы, подобные оледенениям. Напор ледников ломал относительно устоявшуюся жизнь древнего человека, стирал племена с лица земли или заставлял их перемещаться на огромные расстояния, лишая возможности развивать свою культуру. И лишь тысячелетия спустя, с отступлением льда, у людей появилась возможность обживать новые пространства, осваиваться, постепенно формируя свои особенные традиции жизнедеятельности.

Первые люди появились на Севере Европы не позднее чем 40 тыс. лет назад, близ западных склонов Урала. Другая волна переселенцев пришла сюда 17—18 тыс. лет назад. В VII тыс. до н. э. (так называемый бореальный период) в Европе стало теплее, чем теперь; теплый воздух проникал далеко на север; в основном растаяли северные ледниковые щиты [3]. Север стал более привлекательным, более пригодным для жизни человека, и первопроходцы, число которых постепенно росло, двинулись с берегов Печоры на запад, постепенно освоили весь Европейский Северо-Восток (кроме, быть может, крайних северных районов побережья Ледовитого океана), а затем и более отдаленные от гор регионы.

Середина IV тыс. до н. э. была теплой, но и существенно более сухой, чем предшествовавший период. В результате, вероятно, произошло определенное изменение ландшафта: почва становилась более сухой, степи постепенно лишались растительности, становясь полупустынями, а степная полоса сдвигалась на север, где ранее располагались луга; вслед за изменением растительного мира вынуждены были перемещаться и животные. Вследствие этого население районов, лежавших к югу от территории расселения финно-угров (обитавших по обеим сторонам Урала), спасаясь от засухи, вынуждено было, видимо, в поисках пропитания переселяться севернее, оттесняя или смешиваясь с финно-угорскими племенами [58, с. 122, 160].

Вторым результатом притока переселенцев с юга могла стать миграция оттесняемой ими с места первоначального жительства отдельных групп финно-угров в сторону Балтики, включая и Европейский Север, который в условиях весьма теплого климата той поры мог оказаться вполне привлекательным для переселенцев. В. В. Напольских, например, указывает на расширение зоны лесов в целом на север и расширение зоны широколиственных восточноевропейских лесов на север и на восток как на фактор, благоприятствовавший миграционным процессам в указанные направления [43, с. 194]. Постепенно осваивая пространства Севера, финно-угры могли добраться до Ладоги и северных берегов Балтийского моря. Во всяком случае, некоторые ученые говорят о появлении на территории современной Финляндии приблизительно в 3300—3200 гг. до н. э. нового народа, возможно, имевшего финно-угорские черты [63, с. 41]. Можно предположить, что этот народ оставил свои следы и на Севере нынешней России.

В середине III тыс. до н. э. наступил весьма холодный период [5, с. 43, 50]. Как пишет венгерский ученый П. Вереш, из-за ухудшения климата на Западно-Сибирской равнине началось интенсивное заболачивание и параллельно с этим в значительной мере изменились границы географических зон [7].

В этих условиях в финно-угорских родах и племенах вновь возникла проблема «избыточного» населения, и усилилась миграционная подвижность жителей. Одни переселялись на запад, за Урал, где уже имелись родственные племена — в бассейн Камы, а также в верховья Вычегды и Печоры, а затем, возможно, и дальше — есть предположения, что какие-то группы финно-угров в III тыс. до н. э. дошли до Прибалтики и, в частности, появились на территории современной Эстонии [58, с. 79—80, 161—162; 26, с. 5]. На территорию Эстонии племена с финно-угорскими чертами могли прийти из более северных районов, с территории Финляндии, Карелии или других регионов Севера вследствие похолодания середины III тыс. до н. э., вынудившего людей мигрировать в более южные районы.

Похолодание 1400—1300 гг. до н. э. могло воздействовать на отток части населения с Севера; возможно, именно тогда началось движение населения Северного Зауралья (которое связывают с древними уральцами [53, с. 106]) в более южные районы Зауралья и смешение их в тех местах с северной частью угорских племен.

В конце II тыс. до н. э., по мнению П. Хайду, древние финны (прафинно-волжские племена) достигли Белого моря [58, с. 163], что, на мой взгляд, следует связать с потеплением, способствовавшим освоению высоких широт.

В первые века I тыс. до н. э. температура понизилась. В самой середине I тыс. до н. э. климат несколько улучшился (впрочем, ненадолго). Возможно, с некоторым потеплением можно связать продвижение саамов в Финляндию и Скандинавию, о котором пишет П. Хай-ду [58, с. 111]. В эпоху потепления (VI—V вв. до н. э.), вероятно, на территории Карелии появились северные племена позднебеломорской культуры (связанной с ананьинской историко-культурной общностью, т. е. с племенами прапермской языковой общности) и поздне-каргопольской культуры (истоки которой — в Среднем Поволжье, т. е., возможно, среди прамордовских или прамарийских племен) [21, с. 45, 53].

Вторая половина тысячелетия (в особенности последние века) оказалась весьма холодной (некоторые регионы — самыми холодными в этом тысячелетии). Эти условия привели к кризисным явлениям в демографическом развитии финно-угорских народов: в Карелии и в Финляндии сократилась численность населения [27, с. 268]; та же картина наблюдалась, очевидно, и на современной Вологодчине и в Поморье. С похолоданием же можно связать и начавшийся процесс распада прапермской языковой общности, которую исследователи связывают с ананьинской археологической культурой, разделившейся во II в. до н. э. на две новые (одна связана с предками удмуртов, а другая — с предками коми и коми-пермяков) [22].

В первой половине и середине I тыс. н. э. климат оставался неустойчивым. Частичные потепления вызывали миграции — с одной стороны, кочевые южные народы, следуя за отступавшими на север степями, стали теснить соседей; с другой стороны, более северные регионы становились приемлемее для обитания, и часть жившего южнее населения переселялась туда. Миграции, вошедшие в историю как Великое переселение народов, сыграли свою роль и в истории Севера. Даже на Европейский Северо-Восток в V—VI вв. вторглись группы скотоводческого населения, которые археологи связывают с южными кочевниками-скотоводами [18; 22; 54, с. 39].

По мнению археологов, с вторжением кочевников связано разделение единой общности предков коми и коми-пермяков на две разные.

«Великое переселение» непосредственно затронуло и южную часть расселения прибалтийско-финских племен. Так, исследователи отмечают вызванные переселениями народов военные столкновения, происходившие в середине I тыс. н. э. в Эстонии (где, замечу в

скобках, жители занимаются земледелием, переход к которому был вполне логичен в менявшихся климатических условиях) [26, с. 7]. Может быть, с этим связан отток части населения из Восточной Эстонии в IV—VII вв. в Ингерманландию [39, с. 187]. Быть может, с «великим переселением народов» связано и начало процесса распада прибалтийско-финской общности, имевшего место, по мнению ряда исследователей, в VI—VIII вв. [58, с. 91]; на лингвистической карте Европы появились предки ливов, эстонцев, ижоры, вепсов, карел и финнов.

Великое переселение не затронуло разве что территории нынешних Карелии и Финляндии, куда волна степняков, очевидно, не дотянулась. Но и здесь переселения происходили довольно активно. Постепенное потепление климата благотворно сказалось на развитии хозяйства и демографических процессах. Уже в первой половине I тыс. н. э. стало расти население, создавались новые поселения, расширялась заселенная территория. Предки финнов, вепсов и карел постепенно переселялись на север, становившийся все более благоприятным для жизни. Освоившиеся там ранее саамы отступали севернее. По мере потепления, более успешного развития хозяйства, роста населения ширилась миграционная активность, увеличивалась заселенная прибалтийско-финскими племенами территория. Заселив Карельский перешеек, Прионежье, они все более интенсивно проникали на территорию Финляндии, продвигались в сторону Кольского полуострова и Белого моря [27, с. 269; 58, с. 92, 111]. Возможно, именно в этот период прибалтийско-финские (вепские?) племена продвинулись на восток и обжились на значительной части территории современных Вологодской и Архангельской областей.

Дальнейшие климатические изменения привели к малому климатическому оптимуму VIII—XIII вв., сыгравшему весьма важную (в ряде случаев — ключевую) роль в истории финно-угорских — да и не только финно-угорских — народов. Уместно вспомнить, что Л. Н. Гумилев именно к рубежу тысячелетий относил период нового подъема деятельности человека и образования средневековых этносов [12, с. 209].

Во время климатического оптимума завершилось заселение Карелии (заключительной датой этого процесса исследователи считают XII в.), в Приладожье появляется (в XI—XII вв.) сельскохозяйственное производство, что способствовало росту численности населения [58, с. 95; 21, с. 63, 67]. Активно шло и заселение Финляндии, происходившее уже не за счет притока переселенцев

извне (этот процесс закончился, по мнению П. Хайду, примерно в VIII в. [58, с. 92], т. е. опять-таки в начале оптимума), а за счет прироста местного населения, что стало возможным в благоприятных климатических условиях. А в XI—XII вв. в ходе миграций и смешивания населения формируется финский язык [58, с. 91]. Вполне возможно, что тогда же прибалтийско-финские племена (древние вепсы?) продвинулись на восток вплоть до границ современной Республики Коми.

Аналогичные процессы происходили в этот же период и в других регионах. Обские угры и самодийцы в этот период, очевидно, окончательно осваиваются в Северном При- и Зауралье. Обские угры (и в частности, вогулы, т. е. древние манси) в XII в. все более активно обживают берега Вычегды, тесня обитавших там древних коми [13; 19; 20; 60; 62].

Малый климатический оптимум VIII—XIII вв. оказал непосредственное влияние и на складывание древних коми (зырян). Вероятно, в их формировании участвовали две основные этнические группы — местное население и переселенцы из Прикамья (обе эти группы были родственны). «Рождение» коми народа стало в известном смысле следствием климатических изменений: переселения из Прикамья начались, когда потеплевший климат сделал природные условия Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов.

Малый климатический оптимум приносил северянам отнюдь не только благо, но и немалые проблемы, связанные с тем, что территории их обитания стали, во-первых, более привлекательными для населения более южных районов, а во-вторых, более доступными, по-

скольку плавать по главным для той эпохи морским и речным путям стало куда проще. Так, вследствие благоприятной ледовой обстановки в северных морях во второй половине I тыс. н. э. и особенно в IX—X вв. оживились морские набеги скандинавов на восточное побережье Балтики [3, с. 28; 26, с. 10; 64, с. 102]. Имели место и набеги викингов на Север нынешней России, в так называемую Биармию.

Не отставали от скандинавов и русские властители. В XI в. Новгородская республика предпринимает шаги по установлению контроля и над территориями обитания народов Севера. Летописи сообщают о ряде походов новгородцев в этот регион. В XII в. между Швецией и Новгородом началась борьба за господство в Финляндии и Карелии [63, с. 42].

Вслед за воеводами двигались и крестьяне. Уже в VI—VIII вв. славяне начали проникать в южную Ингерманландию, в X в. их приток в Ингерманландию стал более массовым [39, с. 188]. В XI в. русские жители появились в Приладожье [21, с. 66], в XI — начале XII в. в западной части бассейна Северной Двины (низовья Северной Двины, верхняя Сухона), а в XII в. — и на землях древних коми, живших тогда значительно западнее нынешней территории их расселения.

В XIII в. приток переселенцев в бассейн Северной Двины из русских княжеств возрос вследствие разорения последних из-за монголо-татарского нашествия (скандинавские саги упоминают о том, что от татар пострадали даже «биармийцы», многие из которых бежали к викингам, прося у них помощи). Возможно, именно вследствие усиления притока русских переселенцев жившие на Северной Двине и ее западных притоках представители финно-угорских этносов были, за небольшими исключениями, ассимилированы.

В последующее время ситуация стала меняться. Климатический оптимум завершился, и в XIV в. маятник природы качнулся в обратную сторону: началось постепенное похолодание, участились неурожаи, вызывавшие голод. У северных финно-угров земледелие еще не играло в XIV в. доминирующей роли, так что неурожаи для них не могли иметь катастрофических последствий. В Финляндии в это время население быстро росло, вследствие чего произошло сплошное заселение Южной Финляндии и побережья Похьянмаа (Эстерботния). Карелы обживали северные и некоторые другие, незаселенные ранее районы. В целом в этом регионе за неполный XIV в., отмечает Э. Ютиккала, заселение охватило территорию более обширную, чем за предшествовавшее тысячелетие [63, с. 46; 54, с. 59]. Росло население Коми края. Стремительными темпами осваивалась русскими Вологодчина и Поморье. В том же XIV в. усилился приток русских крестьян в Восточную Карелию [21, с. 74] и западные районы Коми.

В XV в. процесс русской колонизации региона от Карелии до Коми края продолжался и даже усиливался. Наибольшее число переселенцев оседало в Подвинье, постепенно превращавшемся из финно-угорского в Русский Север. В других районах финно-угорские народы продолжали доминировать. Несмотря на некоторое сокращение территории расселения, абсолютная численность коми и других северных финно-угров в XV в. продолжала увеличиваться. На позитивные тенденции демографического развития указывает незначительное количество запустевших дворов в населенных пунктах [29, с. 354].

Даже в первой половине XVI в., несмотря на вполне явственно проявившееся похолодание климата, население еще продолжало расти. Исследователи отмечают, в частности, прирост числа

жителей Карелии в этот период [21, с. 136; 45, с. 80]; возросло и количество обитателей Коми [17; 18]. Аналогичные процессы шли на территории современных Архангельской и Вологодской областей, где число запустевших дворов было невелико [29, с. 354].

По мере увеличения численности карел и коми требовалось добывать все больше зверя, птицы, рыбы. В конце концов, в старожильческих районах не осталось свободных промысловых угодий. Начался перепромысел зверей: их становилось все меньше. В этих условиях все большее значение в хозяйстве приобрело земледелие и животноводство, к которым

карелы и коми приноровились в период климатического оптимума и дополнительный стимул для развития которых дал пример селившихся по соседству русских крестьян. Правда, у карел земледелие приобрело доминирующее значение, вероятно, лишь к середине XV в. [21, с. 69], а у коми и того позже. В первой половине XVI в. земледелие уже играло важное место в хозяйстве жителей Карелии и Коми, став во многих районах (особенно южных) ведущим источником пропитания.

Но в середине и особенно второй половине столетия удобные для земледелия площади по берегам рек в заселенных районах Севера оказались заняты (например, в Карелии из возделывавшейся в конце XVII в. пашни 90 % были освоены к середине XVI в.) [21, с. 148]. Нужно было расчищать пашню в лесах, однако несовершенство существовавших орудий труда делало такие расчистки слишком трудоемкими [29, с. 359]. Начался «земельный голод». Ощущался и недостаток сенокосных угодий, необходимых для содержания скота. Трудности в сельском хозяйстве усугублялись изменениями в климате. Наступил так называемый малый ледниковый период. Резко возросло количество экстремальных природных явлений. Температура понизилась, частыми явлениями стали различные стихийные бедствия (ранние заморозки, засухи или чрезмерно обильные дожди, град) [5, с. 189]. Это приводило к неурожаю, подрывавшим хозяйство крестьянина, вызывавшим голод и высокую смертность населения. К тому же по мере похолодания климата тайга стала наступать на и без того немногочисленные открытые пространства, луга зарастали или в условиях повышенной увлажненности заболачивались.

В поисках новых промысловых и сенокосных угодий и пахотных земель люди обращали взоры к соседним оставшимся еще необжитыми или слабозаселенными районам. В Карелии жители мигрировали на восток, на Олонецкую равнину и к Онежскому озеру, и на север, в Лопские погосты и к Белому морю. Эти переселения, происходившие еще в конце XV в., значительно усилились в XVI в. [21, с. 116—117, 139, 143]. Коми в середине и второй половине XVI в. начали освоение верхней Мезени, Ижмы, верхней Вычегды. Однако такие переселения относительно избыточного населения могли принести лишь временное облегчение.

Вынуждены были искать новых мест для приложения своего труда и жители Русского Севера. В конце XV—XVI в. после освоения нижней и средней Мезени и низовьев Вашки русские появились в низовьях Печоры, населенных самодийцами, где возникли Пустозерский городок и Усть-Цильма.

Продолжавшийся приток на коми и карельские земли русских крестьян вызывал дополнительные трудности для этнодемографического развития этих народов. На севере с его скудными почвами появление многочисленных иноязычных переселенцев с иным культурно-бытовым и хозяйственным укладом создавало как для традиционного местного охот-ничье-рыболовческого хозяйства, так и для производящих отраслей хозяйства (возникла естественная конкуренция за угодья). Если бы переселения русских крестьян в Карелию и на Европейский Северо-Восток продолжались в больших размерах и далее, то коми и карелы, скорее всего, разделили бы судьбу финно-угорских племен Подвинья, ассимилированных пришельцами так же, как когда-то финно-угры ассимилировали обитавшие тут до них племена.

Однако похолодание климата сделало земли карел и коми с их скудными северными почвами далеко не столь привлекательными для русских земледельцев, как в предшествовавшие столетия. Поэтому когда под ударами «государевых ратей» пали Казанское, Астраханское и Сибирское ханства и перед русскими крестьянами открылись просторы Поволжья, Приуралья, Сибири, то тысячи переселенцев устремились на эти территории. Массовый приток переселенцев на этническую территорию коми и карел прекратился, а имевшие место в конце XVI—XVII вв. миграции уже не оказывали былого воздействия на развитие карельского и коми этносов.

Пик малого ледникового периода (климатический минимум) пришелся на полторасто-летний период — примерно с середины XVI до конца XVII в. Русские летописи того времени полны сообщений о «хлебном недороде» и «великом гладе». С климатическим минимумом был связан острый

демографический кризис, проявившийся в замедлении прироста, а в ряде случаев — и в сокращении численности населения Севера. В Корельском уезде во второй половине XVI в. произошла, по оценке исследователей, демографическая катастрофа. В Задней Кореле в 1571 г. подати платили лишь 6 %, в Передней Кореле — 11,8 % тех, кто делал это ранее. Видимо, остальные — констатируют историки — либо разорились, либо умерли, либо бежали. В Заонежских погостах в 1563—1582 гг. число жителей уменьшилось на 38 %. В 1610-х гг. обитаемых поселений в Карелии осталось меньше, чем опустевших. К неурожаю добавилось и воздействие Ливонской и русско-шведской войн, опричнины [21, с. 136—138; 45, с. 83, 108—109].

В Вологодской летописи говорится, что в 1601 г. «в ыюле месяце побило мразом всякий хлеб, и бысть глад велик по всей той земли по три лета врьд» [9, с.174]. Большое число пустых дворов в конце XVI — начале XVII в. насчитывалось в Двинском уезде [29, с. 358].

Во второй половине 1630-х — начале 1640-х гг. новая череда сильнейших неурожаев привела жизнь жителя севера России в полнейшее расстройство. Из-за «хлебной скудости», голода, высокой смертности, бегства населения в более «хлебородные» регионы заметно сократилась численность коми, причем некоторые районы (Вымская земля, Прилузье) обезлюдели почти наполовину. К 1646 г. уменьшилось население в Карелии, и в последующие несколько лет этот процесс продолжался [21, с. 133; 27, с. 457—470].

Голодавшее, нищавшее население умирало или вынуждено было уходить из родных мест. Многие мигрировали в Сибирь. Карелы переселялись в Тверской край и другие районы [21, с. 132; 23; 27, с. 457—470].

Во второй половине XVII в. в жизни северян, казалось, наметился поворот к лучшему. Число экстремальных природных явлений уменьшилось. Стала увеличиваться численность населения Севера.

Однако малый ледниковый период напомнил о себе в 1660-х гг. («на Вологде был хлеб дорогой», сообщает летописец Ивана Слободского [40, с.199]), затем на рубеже 1670—1680-х гг (очевидец сообщал, что обитатели Печорского края «гладом тают и умирают... и такая нужда в сей стране повсюду»). Особенно тяжелые, даже катастрофические последствия имел возврат холодов в 1690-е гг. Вологодская летопись повествует, что в 1695 г. «Поморские страны... во всех уездах... хлебы не сыпели и великими мразы побило. И жители тех стран, людие мужеска полу и женьска и с малыми детьми, пошли все на росходы в поволские грады и в уезды, где бы кому препитатися, доколе бог изволит» [9, с.18—190]. В Финляндии заморозки постоянно портили посевы, а самым жестоким оказался неурожай 1696 г., из-за которого четверть или даже треть населения Финляндии погибло от голода и эпидемий, распространявшихся среди обнищавших жителей [63, с. 47]. Неблагоприятные погодные условия 1690-х гг вызвали неурожай и голод, разорение, бегство значительной части жителей Карелии. Частыми были неурожай и в первой четверти XVIII в.; значительная часть пашни запустела [21, с. 142—143; 45, с. 164—165].

В XVIII в., и особенно в последней его трети, историко-демографическое развитие Севера вступило в период постепенной стабилизации. Прошел пик малого ледникового периода, и климат стал улучшаться, постепенно становиться более мягким, более благоприятным для ведения сельского хозяйства, не стало столь частых и губительных неурожаев, как в предыдущем столетии. Конечно, сильные неурожай порой еще случались, поскольку малый ледниковый период хотя и шел на убыль, но еще продолжался, в связи с чем климатические условия отличались значительными колебаниями, временами резко ухудшались, вызывая продолжительные дожди, наводнения, очень морозные зимы, летние заморозки и т. п. Особо

опасные группировки экстремальных природных явлений пришлось на 1766—1767 и 1781 гг. [4]. Темпы прироста населения Архангельской и Вологодской губерний, пишет В. М. Кабузан, в XVIII в. были «весьма невысокие», «население этого окраинного малопродуктивного района с холодным климатом увеличивалось медленно». Сказывался на замедленном росте населения и «отток населения в Сибирь и территории будущих Вятской и Пермской губерний» [23, с. 85—86]. Вместе с тем постепенно увеличивалась заселенная территория, возникали новые поселения [8, с. 115—116]).

Вслед за тем, как климат постепенно становился более теплым и благоприятным для сельского хозяйства, все более позитивно развивались и демографические процессы (особенно в XIX в.). В первой половине XIX в., отмечает В. М. Кабузан, Северный район «почти не подвергался... губительному влиянию неурожаев и эпидемий»: в этот период «неурожай в районе отмечался лишь в 1835—1837 гг. (морозы по Архангельской губернии, погубившие посевы) и в 1845 г. (по Вологодской губернии)». В результате темпы роста населения Архангельской и Вологодской губерний в XIX в. повысились по сравнению с XVIII в., а с VIII ревизии 1833 г. превысили среднегодовой прирост по России (при этом численность населения Вологодской губернии росла быстрее, чем численность населения

Архангельской). Причем это происходило именно за счет естественного прироста (которые здесь «был несколько выше, чем в соседних районах»), а не за счет миграционной прибыли [23, с. 85—88]. Активнее пошли внутренние миграции, освоение новых земель, в частности, водоразделов [8, с. 118, 119].

В пределах Карелии население возросло со 120,9 тыс. в 1795 г. до, по одним данным, 167,2 тыс. чел. в 1857 г., по другим — до 190 тыс. в 1863 г., а в 1897 г. составило 215 тыс. чел. В Коми крае в 1795 г. проживало 58—59 тыс. чел., а в 1858—1860 гг. — около 110 тыс., в 1897 г. — около 142 тыс. коми и 14—16 тыс. русских. Более теплый период способствовал усилению миграционной активности ижемских коми, их переселениям их в крайние северные и северо-восточные районы Коми края, в нижнее Приобье и даже на Кольский полуостров [15; 18; 21, с. 207, 258; 25]. В сопоставимых географических пределах население Финляндии в 1720 г. составляло примерно 400 тыс., а в 1865 г. — 1850 тыс. чел. Прирост населения почти полностью шел за счет сельской местности. Именно тогда была введена в оборот большая часть земель, возделываемых и сегодня. К концу периода почти не оставалось незаселенных пустошей, за исключением Лапландии и северо-восточных приграничных районов [63, с. 51].

В XX в. влияние естественных условий на демографические процессы заметно ослабло. Примерно до начала 1950-х гг. определяющее значение играли политические факторы. Затем влияние политических факторов на демографическое развитие региона уменьшилось, а роль социально-экономических факторов, наоборот, возросла. Однако при планировании социально-экономического и демографического развития Европейского Севера не учитывались в надлежащей мере естественные условия региона (особенно его северных районов); нередко гораздо большую роль в составлении и осуществлении этих планов играли чисто политические причины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Республики Коми. М., 1997.
2. Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 29, 30.
3. *Борисенков, Е. П.* Климат и деятельность человека / Е. П. Борисенков. М., 1982.
4. *Борисенков, Е. П.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII вв. / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. Л., 1983.
5. *Борисенков Е. П.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. М., 1988.
6. *Буров, Г. М.* Вычегодский край / Г. М. Буров. М., 1965.

6

7. *Вереш, П.* Проблема определения финно-угорской прародины в свете новых данных / П. Ве-реш // Ранние этапы этнической истории и современный физический облик финно-угров. М., 2001.
8. *Власова, И. В.* Материалы переписей населения XVIII — первой четверти XX в. как источник для изучения сельского расселения / И. В. Власова // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 109—122.
9. Вологодская летопись // ПСРЛ, 1982. Л. Т. 37. С. 160—193.
10. *Вяри, Э.* Ливы и ливский язык / Э. Вяри // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
11. *Гришаков, В. В.* Муром / В. В. Гришаков, Ю. А. Зеленева // Финно-угры Поволжья и Приура-лья в средние века. Ижевск, 1999.
12. *Гумилев, Л. Н.* Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. Л., 1990.
13. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник, 1958. Сыктывкар. Вып. 4. С. 241—271.
13. *Долгих, Б. О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев / Б. О. Долгих. М., 1970.
14. *Жеребцов, И. Л.* К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов / И. Л. Жеребцов // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. С. 5—43.
15. *Жеребцов, И. Л.* Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население / И. Л. Жеребцов. Сыктывкар, 1998.
16. *Жеребцов, И. Л.* Население Коми края во второй половине XVI — начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.
17. *Жеребцов, И. Л.* Коми-зыряне. Коми-пермяки. Этническая история. Формирование территориально-племенных и этнографических групп в XIV—XVI вв. и освоение новых территорий / И. Л. Жеребцов // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 19—28.
18. *Жеребцов, И. Л.* История Республики Коми / И. Л. Жеребцов, Э. А. Савельева, А. Ф. Сметанин. Сыктывкар, 1996.
19. *Жеребцов, И. Л.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами / И. Л. Жеребцов. М., 1982.
20. *Жеребцов, И. Л.* Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодий-цами / И. Л. Жеребцов. Сыктывкар, 1974.
21. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.
22. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
23. *Кабузан, В. М.* Движение населения Северного района (Архангельской и Вологодской губерний) в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий) / В. М. Кабузан // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 84—89.
24. *Кабузан, В. М.* Народы России в XVIII в.: численность и этнический состав / В. М. Кабузан. М., 1990.
25. *Кабузан, В. М.* Народы России в первой половине XIX в.: численность и этнический состав /

- В. М. Кабузан. М., 1992.
26. *Какх, Ю.* История Эстонской ССР: популярный очерк / Ю. Какх, К. Сийливааск. Таллинн, 1987.
27. *Киркинен, Х.* Рождение Карелии / Х. Киркинен // Прибалтийско-финские народы: история и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
28. *Колесников, П. А.* Динамика посевов и урожайности на землях Вологодской губернии в XVII—XIX вв. / П. А. Колесников // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (1964). Кишинев, 1968.
29. *Колесников, П. А.* Миграция северного крестьянства в XVI—начале XVIII в. / П. А. Колесников // Материалы по истории Европейского севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 353—374.
30. *Колесников, П. А.* Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма / П. А. Колесников // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
31. *Колесников, П. А.* Северная деревня в XV—первой половине XIX в. / П. А. Колесников. Вологда, 1976.

32. *Конаков, Н. Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX—начале XX в. / Н. Д. Конаков. М., 1983.
33. *Контлер, Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / Л. Контлер. М., 2002.
34. *Королев, К. С.* Население средней Вычегды в древности и средневековье / К. С. Королев. Екатеринбург, 1997.
35. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991.
36. *Лашук, Л. П.* Формирование народности коми / Л. П. Лашук. М., 1972.
37. *Лашук, Л. П.* Очерк этнической истории Печорского края / Л. П. Лашук. Сыктывкар, 1958.
38. *Леонтьев, А. Е.* Меря / А. Е. Леонтьев // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
39. *Лескинен, Х.* Заселение и демография Ингерманландии / Х. Лескинен // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
40. Летописец Ивана Слободского // ПСРЛ, 1982. Л. Т. 37. С. 194—205.
41. *Лыткин, В. И.* Из истории словарного состава пермских языков / В. И. Лыткин // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 48—69.
42. *Мурыгин, А. М.* Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья / А. М. Мурыгин, К. С. Королев, В. А. Ляшев. Сыктывкар, 1984.
43. *Напольских, В. В.* Введение в историческую уралистику / В. В. Напольских. Ижевск, 1997.
44. *Нефедов, С. А.* Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества / С. А. Нефедов. Екатеринбург, 1999.
45. Очерки истории Карелии. Т. 1. Петрозаводск, 1957.
46. Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. Сыктывкар, 1955.
47. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Л., 1977.
48. *Рябинин, Е. А.* Мещера / Е. А. Рябинин // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
49. *Савельева, Э. А.* Пермь Вычегодская / Э. А. Савельева. М., 1971.
50. *Савельева, Э. А.* Вымские могильники XI—XIV вв. / Э. А. Савельева. Л., 1987.
51. *Савельева, Э. А.* Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья / Э. А. Савельева. М., 1995.
52. *Савельева, Э. А.* Коми / Э. А. Савельева, К. С. Королев, Т. В. Истомина // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
53. *Савельева, Э. А.* Уральские народы / Э. А. Савельева // Атлас Республики Коми. М., 2001.
54. *Савельева, Э. А.* Архаичные общества на территории Коми края / Э. А. Савельева // История Коми с древнейших времен. Т. 1. Сыктывкар, 2001. С. 15—61.
55. *Савельева, Э. А.* Древние рукописи о Перми Вычегодской / Э. А. Савельева, К. С. Королев. Сыктывкар, 1997.
56. *Серебренников, Б. А.* Историко-лингвистические заметки / Б. А. Серебренников // Историко-филологический сборник. Вып. 7. Сыктывкар, 1962.
57. Устюжский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л., 1982. С. 104—125.
58. *Хайду, П.* Уральские языки и народы / П. Хайду. М., 1985.
59. *Халиков, А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья / А. Х. Халиков. М., 1969.
60. *Холмич, Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев / Л. В. Холмич. Л., 1976.
61. *Хотинский, Н. А.* Голоцен Северной Евразии / Н. А. Хотинский. М., 1977.
62. Этническая история народов Севера. М., 1982.
63. *Ютиккала, Э.* История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. / Э. Ютиккала // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
64. *Ярв, А.* История Эстонии / А. Ярв // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.

SUMMARY

Influence of climatic conditions on settling of the European North is analyzed. Demographic processes in this territory are examined in a context of changes of a climate. Historical processes are characterized through climatic «optimum» and «minima».

Статья поступила в редакцию 9 сентября 2009 г